

УДК 329(47+57):379.823

ДОСУГ В СТРУКТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ТЕРРОРИСТОВ-ЭСЕРОВ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

О. А. Островская

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
z@klz.su

Ставится вопрос о возможности и целесообразности изучения досуговых практик террористических групп социалистов-революционеров как одного из аспектов их повседневной жизни. Предпринимается попытка реконструкции досуговых практик террористов-эсеров и делаются выводы о подчиненности досуга террористов их работе, о жестких ограничениях, накладываемых на него требованиями конспирации и режимом труда и отдыха, сложившимся в боевых группах. Обнаруживается совпадение досуговых практик террористов с практиками, популярными среди революционно настроенных интеллигентов. Выявленные тенденции рассмотрены на примере чтения как одной из досуговых практик террористов.

Ключевые слова: Русское революционное движение, революционный терроризм, партия социалистов-революционеров, история повседневности, досуговые практики.

Был ли у террористов досуг? Постановка вопроса

Досуговые практики террористов-эсеров – достаточно экзотическая тема, к тому же совершенно не исследованная в историографии. Есть ли тут проблема? Почему об этом вообще следует говорить?

Историография революционного террора – это преимущественно «большая политическая история», история важных событий и великих людей. Лучшие работы в этой области [*Городницкий*, 1998, 1996; *Морозов*, 1998; *Гейфман*, 1997] реконструируют событийную сторону революционного терроризма, авторы стремятся написать «историю террора», оценить его социальную природу и масштабы, определить его роль в истории страны и революции, вынести ему «исторический приговор».

Однако можно ли ответить на весь комплекс вопросов о революционном терроре, зная лишь его фактическую сторону, его статистику, исключая человеческую составляющую – тех, кто «делал» террор? Можно ли понять терроризм, не ответив на вопрос о людях: Каким они видят мир, который пытаются изменить? Как и для чего они осуществляют террор? Какими они приходят в террор и как меняются в ходе его? Какова логика их действий и мыслей? Чем «мы» отличаемся от «них»: есть ли между нами четкая, непреходимая граница? Наконец, откуда берутся люди, готовые прибегнуть к террору? Рассматривая повседневность террора (и досуговые практики террористов как часть повседневности), мы уходим от истории фактов, «истории ножиц и клея», и рассматриваем революционный террор как историю жизни действующих, чувствующих людей.

Проблема терроризма и его «человеческого лица» актуальна и в современном нам мире. Сталкиваясь с современным терроризмом (преимущественно религиозным, фундаменталистским), мы неизбежно задаемся теми же вопросами, которые возникают в связи с событиями начала XX в.

Попробуем приблизиться к пониманию истории русской революции и революционного терроризма, обратившись к частной жизни рядовых террористов-эсеров, причем посмотрим на них не в момент их террористического «труда», а в приватной атмосфере – на отдыхе.

Однако закономерно возникает вопрос: правомерно ли говорить о досуговых практиках применительно к революционерам-террористам? Стоит ли применять современные категории и представления о досуге как о чем-то, противоположном работе, или как в смене вида деятельности, отдыхе, отвлечении и развлечении к актерам, которые в таких категориях, возможно, и не мыслили? Не будет ли это модернизацией истории? Было ли свободное время террористов досугом или же оно было целиком подчинено целенаправленной работе на благо революции и поэтому досугом считаться не может?

Думаю, говорить о досуге террористов все-таки можно. Во-первых, в научной литературе досуг изучается применительно к разным эпохам: средним векам, новому времени, эпохе промыш-

ленного переворота, индустриального общества, современности, а его история возводится, как минимум, к античности [Ходнев, 2011; Андреева, 2011]. Поэтому применение категории досуга по отношению к обществу начала XX в. не должно вызывать сомнений.

Во-вторых, чтобы обосновать применение категории досуга к террористам-эсерам — специфической группе внутри российского общества начала XX в., — нужно определиться с тем, что такое досуг. Границы досуга как предмета исследования довольно размыты. Если мы понимаем досуг как «способ проявления индивидом своей внутренней активности в свободное время» [Андреева, 2011], то придется признать, что революционеры и террористы обладали досугом вне зависимости от того, мыслили ли они его в терминах «досуга». Обычно досуг определяют через противопоставление работе, как невынужденную деятельность человека. Однако этот подход наталкивается на противоречия: анализ выявляет области жизни, занимающие пограничное положение между работой и досугом, вынужденной и невынужденной деятельностью (например, сон, еда, секс, образование, политическая активность, волонтерская деятельность и т.д.). Возможным преодолением противоречия является попытка включить в понятие досуга не только досуг-отдых, но и «серьезный досуг»: самообразование, гражданскую активность, участие в политике, религиозные практики [Ходнев, 2011]. В этом случае многие занятия революционеров, которым они предавались в свободное от «революционной работы» время, могут пониматься как «революционный отдых» — вариант «серьезного досуга». Эти занятия (самообразование, чтение «направленческой» и специальной, например, социально-политической литературы, ведение кружков, посещение публичных лекций, демонстраций, собраний дружественных организаций, написание теоретических статей и т.д.) во многом подчинены задачам революционной борьбы, саморазвитию, агитации, разработке теоретических и практических проблем, созданию непротиворечивой системы революционного мировоззрения и т.д.. Однако, на мой взгляд, они являются именно вариантом досуга, хотя и очень специфического: он, как и «работа», подчинен задачам революционной борьбы, но от работы четко отделен: это свободная, невынужденная деятельность революционера, выходящая за пределы его «профессиональных революционных обязанностей» (даже если эти обязанности он определяет для себя сам), его непосредственной революционной работы. Этим занятиям революционер предается в свободное от работы время, они для него опциональны, необязательны; он может проводить свой досуг иначе, но из всех занятий в силу личных склонностей он часто выбирает эти.

В-третьих, революционеры и террористы не были сплошь рахметовыми, чья жизнь распланирована по минутам, каждая из которых посвящена работе-революции. Террористы имели не только революционный и серьезный досуг, но и досуг-отдых: как видно из воспоминаний [например, Колосова-Попова, 1927; Измайлович, 1923; Савинков, 2002], научной литературы [например, Морозов, 1998], архивных документов [например, ГАРФ. Ф.5831. Д. 3, 340], террористы с охотой предавались таким развлечениям, как игра на музыкальных инструментах, любительское пение, участие в любительских театральные постановках, коллективное запускание воздушных змеев с революционными лозунгами (забава заключенных Бутырской тюрьмы), чтение художественной литературы, любительские зарисовки пейзажей, шаржи, дружеские посиделки с игрой в карты «на интерес», порой даже с коллективным сочинением сказок о революционном движении и т.п.

Таким образом, постановка вопроса о досуговых практиках террористов-эсеров представляется возможной и целесообразной. В этой статье я попытаюсь определить место досуга в структуре повседневности и реконструировать досуговые практики террористов-эсеров на примере их чтения.

Соотношение работы и отдыха

Говоря о досуговых практиках террористов, сперва следует поставить вопрос о том, какое количество времени боевики могли использовать по своему усмотрению как свободное? Главным образом, это зависело от того, какого стиля работы придерживалась организация, к которой они принадлежали.

Боевая работа социалистов-революционеров осуществлялась в разных организационных формах: в форме центральных боевых групп общепартийного значения, подчинявшихся ЦК и осуществлявших «центральный» террор, групп при местных партийных комитетах, летучих отрядов, действующих в пределах крупного региона, районных боевых дружин и дружин самообороны, крестьянских боевых братств; были и террористы-одиночки [Квасов, 2009]. В конечном счете стиль работы конкретной террористической группы зависел от того, насколько она приближалась к модели «идеальной боевой организации» — глубоко законспирированной долговременной террори-

стической группы, осуществляющей террористические акты имперского значения. В каждом конкретном случае образ жизни террористов определялся именно степенью законспирированности группы, а соотношение труда и отдыха – методами ее работы (использованием или неиспользованием метода наружного наблюдения за «жертвой»).

Члены боевой организации партии социалистов-революционеров (далее – БО ПСР), важнейшей террористической группы общепартийного значения, на первом этапе ее существования (1901 – 1903 гг.), когда организацией руководил Григорий Гершуни, были относительно свободны: фактически они только поддерживали связь с лидером или его агентами, в остальном продолжая вести привычный образ жизни, хотя и с существенными предосторожностями, не участвуя в общепартийной жизни [Городницкий, 1998, 1996].

Стиль работы террористов изменяется на следующем – «глубоко конспиративном» – этапе существования БО ПСР (1903 — 1910 гг.), вместе с ним изменяется и соотношение рабочего и свободного времени в жизни террористов. Фактически этот период работы БО, осмысленный боевиками [Савинков, 2002], и дал материал для формирования идеальной модели террористической группы и уточнения основных методов революционной конспирации, традиция которой была заложена еще народолюбцами. БО специализируется на политических убийствах (покушениях) без осуществления экспроприаций. При этом она щедро финансируется из «центра» – из кассы БО или из денежных средств партии. Во время подготовки теракта террористы принимают на себя различные социальные маски и ведут наружное наблюдение за «жертвой». Сам теракт обычно принимает форму уличного покушения с помощью бомбы.

Много ли времени оставалось у боевиков после наружного наблюдения и конспиративных встреч с товарищами по организации? Очевидно, что у террористов-наблюдателей, замаскированных под извозчиков, разносчиков, мелочных торговцев и т.п., свободного времени оставалось не больше, чем у любого представителя этой профессии. В интересах слежки они отдавались своей работе даже с большим рвением, чем «настоящие» работники, поэтому времени у них оставалось крайне мало. Работа занимала целый день. После нее террористы приходили домой – т.е. туда же, где жили их товарищи по работе. Извозчики, например, жили в основном кучно – на постоянных дворах, в общих помещениях вместе с другими извозчиками. Поэтому нужно было не привлекать к себе внимания, ничем себя не выдавать и дома, на отдыхе. Следовательно, типично революционный досуг был для них исключен или очень ограничен. Кроме того, работа продолжалась и после работы: например, извозчику нужно было пересчитать выручку, почистить и накормить лошадь, привести в порядок пролетку. Дальше наступало время сна. Утром – новый рабочий день.

Более свободно жили террористы, организованные в рамках «квартир». Те из них, кому выпала роль прислуги, должны были выполнять все соответствующие этой должности обязанности: приготовления еды – для кухарки, уборка комнат, чистка барских костюмов, общение с дворником и швейцаром, сопровождение «барыни» в ее походах за покупками – для лакеев. В каждом конкретном случае количество свободного времени варьировалось. Например, П.С. Ивановская, игравшая роль кухарки при «барине» Б.В. Савинкове и «барыне» Д.В. Бриллиант, во время подготовки покушения на В.К. Плеве, и Е.С. Созонов, исполнявший роль их комнатного слуги, были относительно свободны [Савинков, 2002; Ивановская, 1928]. В то же время А. Севастьянова, игравшая роль прислуги на все руки при «барской» семье техников в динамитной мастерской на даче в Финляндии, наоборот, вынуждена была работать не покладая рук, причем «хозяева» и их «гости» не имели возможности помочь ей, не вызвав подозрения. В лучшем случае глубокой ночью они мыли вместо нее полы [Колосова-Попова, 1927]. Понятно, что нанять на конспиративную квартиру или, тем более, в динамитную мастерскую людей с улицы было невозможно, это привело бы к быстрому провалу.

Так или иначе, свободного времени у боевиков, игравших роль прислуги, оставалось меньше, чем у любого представителя их «профессии»: кроме обязанностей прислуги им приходилось выполнять и конспиративную работу: вести наблюдение, исполнять поручения, поддерживать связь с членами группы и пр. Нередко террористы добровольно брали на себя дополнительные обязанности. Так, А. Севастьянова, будучи искусной гравировальщицей, в свободное от основной работы время занималась вырезанием печатей для паспортов [Там же].

Большим количеством свободного времени располагали террористы, которым выпало избирать людей «высшего класса» – господ на конспиративных квартирах. Для виду они обычно

имели какую-нибудь профессию, не связанную с государственной службой и не обязывающую к постоянным занятиям: террористы выдавали себя за инженеров, юристов, литераторов, профессоров (как, например, Л.И. Зильберберг, накануне ареста живший по паспорту профессора древних языков Штифтара, что не предполагало преподавательской деятельности), приехавших на учебу провинциалов (обычно не студентов, а посетителей каких-нибудь краткосрочных курсов иностранного языка или студий живописи, как В. Попова) и т.д. Под этими масками обычно жили специалисты по изготовлению бомб (химики и техники) и люди, осуществлявшие руководство и связь внутри организации.

Малая часть террористов продолжала жить под своими именами, не переходя на нелегальное положение. В этом случае количество свободного времени, которым они располагали, зависело от их социального статуса и материальной обеспеченности. Например, Б.Н. Никитенко, руководивший БО при ЦК ПСР, вел обычную жизнь отставного флотского лейтенанта, каким он и был в действительности. Он был вполне обеспечен материально и не имел какого-либо определенного легального занятия. Б.Никитенко был вхож в светское общество (в Английский клуб), но посещал его не ради отдыха, а для получения информации, поэтому такие походы не стоит относить к досуговым практикам [Прайсман, 2001]. Члены его группы жили в основном по нелегальным паспортам, стараясь не привлекать к себе внимания. Поскольку отряд не вел систематического наружного наблюдения, у террористов должно было оставаться немало свободного времени, так как «террорная работа» в их случае сводилась в основном к установлению полезных связей, поиску и «разработке» нужных людей [Колосова-Попова, 1927; ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.336]. Члены отряда, вероятно, были сравнительно свободны и в выборе досуга: не будучи вынужденными маскироваться под извозчиков и разносных торговцев и, соответственно, вести типичный для них образ жизни, они могли достаточно уединенно жить в съемных квартирах или домах. Получая деньги от «центра», а также частично не порывая с родственниками, члены БО при ЦК ПСР не были вынуждены работать ни ради денег, ни ради осуществления наружного наблюдения.

В противоположность им члены летучего боевого отряда северной области (ЛБО СО) помимо конспиративной работы должны были содержать себя (например, давать уроки или зарабатывать на жизнь переводами, как В. Лебединцев), так как организация фактически не финансировалась из партийной кассы, более того, ее члены продолжали исправно платить партийные взносы [Прайсман, 2001; Николаевский, 1991]. Поэтому свободного времени у них было не больше, чем у основной массы общепартийных работников. Однако деятельность ЛБО СО в практике эсеровского террора была скорее исключением, чем правилом: она противоречила основным принципам революционной конспирации, в частности, полной изоляции членов группы от прежнего окружения.

Можно заключить, что большую часть времени действующий террорист был занят выполнением «профессиональных обязанностей», свободного времени обычно было немного. Это был добровольный выбор: в системе ценностей революционеров интересы революционной борьбы стояли значительно выше частной жизни, в том числе отдыха.

Значительно больше свободного времени было у террористов, по какой-либо причине оторванных от «террорной работы» – находящихся в эмиграции или отбывающих наказание в тюрьме, ссылке, на каторге. К тому же вне «работы» требования конспирации отступали, люди могли позволить себе больше вольностей в выборе досуга. Источники информации о досуге таких террористов значительно богаче, чем источники, освещающие досуговые практики действующих боевиков.

Качество досуга

Необходимость ничем себя не выдавать исключала возможность типично революционных досуговых практик, таких как общение с товарищами, чтение революционной, «направленческой» и социально-политической литературы, ведение различных кружков и чтение лекций, посещение демонстраций и собраний дружественных организаций.

Террористы-эсеры, будучи в большинстве своем людьми достаточно образованными, при возможности проводили свободное время так же, как многие люди их круга в мирной жизни. Общение с близкими людьми, интеллектуальная беседа, творчество, чтение, переписка, ведение дневников и записных книжек, работа над воспоминаниями – всем этим они занимались с охотой. Однако «неревolutionные» досуговые практики террористам были доступны тоже с большими ограничениями: они были чрезвычайно неконспиративны и могли привести к провалу группы или стать серьезной уликой против арестованного террориста. Поэтому для действующего террориста под

запретом были и ведение дневника, и запись воспоминаний, и общение с товарищами, с которыми он непосредственно не был связан по работе, а тем более с семьей и друзьями из прежней, «неконспиративной», жизни; под запретом была и большая часть литературы, которая могла бы заинтересовать революционера. Конспирация продолжалась и во время отдыха. Ограничения, накладываемые ею на досуг террористов, рассмотрим на примере их круга чтения¹.

Чтение

Типичной досуговой практикой образованного человека этого времени, тем более человека партийного, было чтение. Революционно настроенные молодые люди обыкновенно отдавали предпочтение чтению «направленческой» и революционной литературы. Партийная пресса эсеров была представлена многочисленными изданиями. Наиболее серьезные и регулярные из них выходили за границей и доставлялись в Россию нелегально. Российские издания (например местных организаций) служили скорее целям агитации и информирования населения. Больших аналитических статей в них обычно не публиковалось, либо это были перепечатки из других изданий. Зачастую местная пресса была представлена листками и прокламациями парткомитета, выпускаемыми по тому или иному поводу. Серьезные статьи, содержавшие материал для размышления и дискуссий, публиковались обычно в «Революционной России» (главном печатном органе партии); крупные аналитические статьи и материалы по истории ПСР и «Народной воли» — в «Вестнике русской революции» или в «Былом». Но возможности читать именно эти издания активно действующие террористы были лишены: это было бы неконспиративно.

Ситуацию с книгами в динамитной мастерской Валентина Колосова-Попова описывает так: «Книг для чтения почти не имели. У всех нас, как нелегальных, не было имущества, кроме необходимого для декорации; книги при переездах составляли лишний и к тому же неконспиративный груз. Обычно, впрочем, о книгах не думали: день проходил за работой, работали много и с увлечением» [Колосова-Попова, 1927]. Характерно в этой зарисовке и указание на недостаток свободного времени, которое могло бы быть потрачено на чтение. Однако во время своего приезда на дачу в Териоках, где находилась мастерская, В. Попова, уже прекратившая свою в ней работу, оставляет товарищам «только что вышедшие две первые книжки «Былого», купленные с нарушением всех правил конспирации в Петербурге» [Там же]. На даче в Териоках все жильцы квартиры ознакомились и с письмом М. Спиридоновой, в котором она рассказывала об издевательствах, которым подверглась после ареста. Письмо начинали читать коллективно, однако доканчивать чтение каждому пришлось в своей комнате: дочитать этот текст вслух у бомбистов не хватало сил [Там же].

Что касается прессы, к которой террористы имели свободный доступ, то это были очень умеренные или даже консервативные издания, которые покупались или заказывались в целях конспирации. Так, на дачу в Териоках террористы «большую часть ... покупали «Русь», в то время наиболее распространенную среди широких обывательских кругов. Своих газет брать не решались, а во время разъездов в вагонах первого и второго класса прятались даже за «Новым Временем» [Там же].

Б.В. Савинков, снимавший под видом богатого англичанина, представителя велосипедной фирмы, квартиру в Петербурге, выписывал различные научно-технические журналы и каталоги торговых фирм. Почту исправно доставляли на квартиру [Савинков, 2002], однако представляется сомнительным, чтоб Савинков ее читал: интереса к новостям науки и техники за ним не замечалось. В противоположность Савинкову Л.И. Зильберберг, будучи «барином» динамитной мастерской в Териоках, «большую часть времени проводил за учебниками химии» [Колосова-Попова, 1927]. Можно ли назвать это времяпрепровождение досугом? Вполне возможно: личные склонности Л. Зильберберга к точным и естественным наукам совпадали с его обязанностями террориста-химика, желающего усовершенствовать бомбовое дело. Позднее, после ареста, он продолжил свои научные занятия, правда, уже в другой области, и незадолго до казни отправил в университет свое решение геометрической задачи о делении треугольника на три равные части [Там же]. Технической литературой интересовался и Е.Ф. Азеф. Инженер по образованию, он стремился поставить на службу БО новейшие достижения науки и техники и тем самым вывести центральный террор из кризиса, наступившего после 1905 г. (или по крайней мере делал вид, что пытался: причиной этого кризиса большинство исследователей признает провокаторскую деятельность самого Азефа). В частности, он разрабатывал планы «воздушного» и «подводного» покушений на жизнь императора — с помощью летательного аппарата инженера С.И. Бухало и подводной лодки. Работая над этими

планами, Азеф внимательно, с привлечением дополнительной литературы, изучал техническую сторону проектов [Морозов, “Нет веры...”; ГАРФ. Ф.1699. Оп.1. Д.107].

За границей террористы были более свободны в выборе газет. М. Швейцер, например, работая в парижской лаборатории, читал местные газеты, следя по ним за политической жизнью страны [Савинков, 2002].

Намного проще в плане чтения было террористам, являвшимся верующими христианами (таких было не слишком много, но они были). Так, по словам Б.В. Савинкова, М.А. Беневская, работая техником БО ПСР, не расставалась с Евангелием и толковала моральные вопросы террора с точки зрения Нового Завета [Там же]. Она и прибыла на Мальцевскую каторгу «с крестом, с библией и со своим “собственным” мирозерцанием», как не без оттенка неприязни пишет об этом ее товарищ по каторге Анастасия Биценко [Биценко, 1923]. Так или иначе, христианская литература не нарушала конспирации и уликой стать не могла.

Савинков, как видно из материалов его личного фонда (ГАРФ. Ф. 5831 (Б.В. Савинков)), на протяжении всей жизни активно интересовался художественной литературой, в том числе современной поэзией, например, творчеством И.Северянина, К. Бальмонта, Ш.Бодлера, П.Верлена и др. Среди его личных бумаг немало газетных вырезок с критическими статьями о новейших произведениях литературы.

Намного больше информации в источниках содержится о том, что и как читали террористы, будучи в тюрьме или на каторге. Благодаря полной автономии [Спиридонова, 1924], которой пользовались политические заключенные в пределах тюрьмы (в наиболее полном виде она существовала с 1905 до начала 1907 г.), они были относительно свободны в выборе досуга, в том числе в выборе книг. Времени, которое можно было потратить по своему усмотрению, также было значительно больше, чем во время активной террористической работы.

В отдельные периоды заключенные имели доступ к партийной литературе и газетам с воли, но с ужесточением режима в первую очередь запрет налагался именно на этот вид литературы. Известно, что во время первого своего ареста и заключения Е. Созонов «прошел школу Михайловского и Лаврова» [Савинков, 2002]. «Вася» Пулихов в тюрьме читал Маркса [Измайлович, 1923]. Охотно читали революционную литературу и газеты узники Акатуйской каторжной тюрьмы – до тех пор, пока ужесточение режима не лишило их этой возможности [Спиридонова, 1924]. Организовывались тюремные библиотеки, например, в Акатуе каторжной библиотекой заведовал Егор Созонов [Измайлович, 1923]. Популярным досугом было чтение вслух: например, политические заключенные могли читать вслух книги по биологии, астрономии, истории и прочим в рамках кружков и лекций, устраиваемых для менее сознательных товарищей по заключению, в том числе из числа уголовных. Тюремная администрация относилась к этим практикам по-разному, в зависимости от общей политической обстановки в стране и политики Главного тюремного управления в частности. В какие-то моменты тюремное начальство само посещало эти кружки в качестве слушателей, в другие жестоко преследовало их организацию [Спиридонова, 1924; Измайлович, 1923].

В воспоминаниях А. Биценко подробно описан круг чтения заключенных Мальцевской женской каторжной тюрьмы. Занятые «духовными исканиями» и выработкой «абсолютного» философского мировоззрения, которое могло бы сочетаться с социалистическими идеалами и террористической практикой, многие из них обращались к философским текстам. Так, в «арсенале» одной из групп, занимавших некое промежуточное положение между идеалистами и материалистами, «кроме Лаврова, Михайловского и Маркса, были Риль, Гефдинг, Мах, Авенариус, Риккерт и другие представители субъективной школы, марксизма, критической философии и других различных течений новейшей философии». «Как темы исканий, так и источники, к каким припадали жаждущие (кто с надеждой найти “точку опоры”, а кто без всякой надежды на какое бы то ни было утешение), были те же, как и на воле, – от Достоевского, Мережковского, Шестова, Владимира Соловьева и прочих модных философов, художников, беллетристов-пророков до Санина» [Биценко, 1923]. Террористки читали Толстого, Достоевского, Вл. Соловьева, Арцыбашева; пользовалась популярностью и «Тьма» Л. Андреева. Немало споров и конфликтов вызвал среди каторжан «Конь бледный» Савинкова. Можно заключить, что круг чтения каторжан во многом совпадал с тем, что читали люди их среды за пределами каторги, в России и эмиграции.

Кроме того, часть каторжных «пробовала ... даже всерьез учиться, от арифметики и до философии... И сидели временами очень усердно за учебой, как будто у них была более определенная

цель, а не «авось» [что пригодится на воле]...». Однако о плодотворности такого учения А.Биценко пишет с большим сомнением: «в книге они видели “фигу”» [Там же]. Думается, однако, что вывод о безрезультатности и бесполезности такой учебы для каторжанок связан с общим раздражением против них автора.

Впрочем, наладить «правильные занятия» и систематическое чтение было подчас нелегко, особенно в тюрьмах в периоды послабления режима – на подъеме революции. В 1905–1906 гг. российские тюрьмы жили «неугомонной, шумной жизнью гостиницы»: «постояльцы» сменялись ежедневно, приходили новые, уходили старые, их встречали и провожали, а каждому вновь прибывшему необходимо было узнать, не сидят ли здесь его земляки и по какому делу, засвидетельствовать свое почтение женщинам-террористкам и т.п. Систематическим, вдумчивым занятиям постоянных обитателей тюрьмы мешали формы коллективного досуга: разговоры (часто перекрикиваться приходилось через тюремный двор), пение, декламация, чтение газет и писем с воли, театрализованные представления на политические темы, революционные демонстрации в тюремном дворе и т.п. Александра Измайлович вспоминает о своем пребывании в «Бутырской гостинице» в 1906 г.: «О занятиях нечего было и думать. Некоторые, большей частью ожидавшие воли или короткой тюремной отсидки, пытались все-таки. Они требовали от товарищей назначения определенных часов для разговоров через окна, пения и прочего шума. Собирались даже собрания у нас – мужских и женских одиночек – по этому поводу, назначались часы молчания, но в результате ничего не выходило. ... Посердившись, поворчавши, отрывались наиболее упорные от книг и, махнув рукой, взбирались тоже на окна и присоединяли свои голоса к общему рюю. Мы-то трое даже и не пытались заниматься. Некогда было прочесть газету иногда за целый день. Широкая внутренняя переписка и связи почти со всей тюрьмой, частые свиданья с волей отнимали почти все время» [Измайлович, 1923].

Не обходилось и без курьезов: заключенные из числа социал-демократов устраивали чтения марксистской литературы, которые подчас вызывали протест у других «политических». Так, характеризуя одну из членов БЛЮ СО Лидию Стурре, мемуарист пишет, что она «отличалась железным характером» уже в годы первой революции (а тогда она была очень молода), и этот «железный характер» проявился помимо прочего в том, что она «объявила голодовку в тюрьме против обязательных чтений марксистской литературы, устраиваемых в течении всего дня социалистами-демократами» [Прайсман, 2001].

Заключение

На основании собранной информации можно сделать вывод о том, что повседневная жизнь боевых групп ПСР была подчинена их представлению о конспирации. Досуг в структуре повседневности террористов занимал второстепенное место (однако если досуг и не был значим для этих людей, то сам вывод о незначимости досуга важен для понимания их приоритетов и мотивации). Предпочтения террористов-эсеров в выборе досуга в основном совпадали с предпочтениями людей их круга – революционно настроенных интеллигентов. Боевики проводили свободное время за теми же занятиями, что и они: за общением, беседами, чтением, творчеством, перепиской – но с учетом гигантских ограничений, накладываемых нехваткой времени и конспирацией. (Существенным искажением нормального для людей их круга досуга можно признать разве только непропорционально огромное место, которое среди досуговых практик террористов занимало их общение с близкими по духу товарищами, вылившееся в продолжительные и часто пустые разговоры и выяснение взаимных отношений во время «простоя» террористов [Морозов, 1998; Биценко, 1923; Измайлович, 1923; ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.340].) Типичность «террористического досуга» становится очевидной на примере круга чтения эсеровских боевиков: они выбирали книги в соответствии со своими личными склонностями, которые в основном вписывались в нормальные предпочтения людей их среды. Однако досуг воспринимался террористами как нечто незначительное по сравнению с их основным занятием – террористической работой – и в конечном счете был подчинен ее задачам.

Примечания

¹ Террористам-эсерам приписываются такие общественно порицаемые досуговые практики, как азартные игры (например, игра на скачках), кутежи, чрезмерное употребление алкоголя, наркотиков и т.п. [Гейфман, Революционный!!!; Гуль, Азеф]. Однако заслуживающих доверия свидетельств об этом примени-

тельно к массе активно действующих террористов нет, к тому же все эти занятия плохо совместимы с серьезной боевой работой и конспирацией. Впрочем, этот вопрос требует специального исследования..

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Биценко А. В мальцевской женской каторжной тюрьме 1907 — 1910 гг. (к характеристике настроений) // Каторга и ссылка. 1923. № 2. URL: <http://www.memo.ru/nerczinsk/bicenko2.htm> (дата обращения: 08.12.2013).
- ГАРФ. Ф. 1699 (Судебно-Следственная Комиссия Партии Социалистов-Революционеров по делу Азефа). Оп. 1. Д. 107. Письмо Азефа к В.С. Гоц в Аллесио. Окончено 14.01.1907. 2 Л.
- ГАРФ. Ф. 5831 (Б.В. Савинков). Оп. 1. Д.3. Записная книжка Савинкова Б.В. 22 л. Начато в 1903г.
- ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 336. Копия обвинительного акта по делу «О заговоре против царя» об отставном лейтенанте Борисе Никитенке, Владимире Наумове, Ките Пуркине, Марии Прокофьевой и других. 17 л.
- ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 340. Заявление Бердо Яна (конспиративное имя «Николай Васильевич» или «Ротмистр») в Центральный Комитет партии эсеров и письма членам партии с доказательством необоснованности исключения его из организации. 22Л. (Начато июль 1910, окончено сентябрь 1910).
- Ивановская П.С. В боевой организации: Воспоминания. М., 1928. URL: <http://www.memo.ru/> (дата обращения: 08.12.2013).
- Измайлович А.А. Из прошлого // Каторга и ссылка. 1923. №7. 1924. №1 (8). URL: <http://www.memo.ru/nerczinsk/> (дата обращения: 08.12.2013).
- Колосова-Попова В. Динамитные мастерские 1906 – 1907 гг. и провокатор Азеф // Каторга и ссылка. 1927. № 4,5,6. URL: <http://coollib.com/b/161106> (дата обращения: 08.12.2013)
- Николаевский Б. История одного предателя. М., 1991.
- Савинков Б.В. Записки террориста. М., 2002.
- Спиридонова М.А. Из жизни на Нерчинской каторге // Каторга и ссылка. 1924. №1 (8). URL: <http://socialist.memo.ru/books/memoires.htm> (дата обращения: 08.12.2013).

Библиографический список

- Андреева С.В. Феномен досуга: история и современность // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 344.
- Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997.
- Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998.
- Городницкий Р.А. Три стиля руководства боевой организацией Партии социалистов-революционеров: Гершуни, Азеф, Савинков // Индивидуальный политический террор в России XIX – начало XX в.: матер. конф. М., 1996.
- Гуль Р. Азеф. Нью Йорк, 1974.
- Квасов О.Н. Структурные субъекты российского революционного терроризма в начале XX в. // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. №2.
- Морозов К.Н. «Нет веры в револьверы»: эсеровская террористическая техника и планы «авиационного» и «подводного» покушения БО ПСР на Николая II в 1907–1911 гг. // Российские социалисты и анархисты после октября 1917 г. URL: <http://socialist.memo.ru/firstpub/y05/morozov2.htm> (дата обращения: 08.12.2013).
- Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998.
- Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001.
- Ходнев А.С. «Новая» история досуга как исследовательское поле // Ярославский педагогический вестник. 2011. №11, т. I.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.10.2013

LEISURE TIME IN EVERYDAY LIFE OF SOCIALIST- REVOLUTIONARY TERRORISTS: STATEMENT OF THE QUESTION

O.A. Ostrovskaya

Perm State National Research University, Bukireva str., 15, 614990, Perm, Russia
z@klz.su

The author argues whether it is appropriate to investigate leisure activities of the Socialist-Revolutionary terrorist groups as an aspect of their everyday life and suggests that the answer should be affirmative. The author takes an

attempt to reconstruct leisure practices of terrorists in order to find out how existence inside a secret terrorist group influences leisure time of its members and to define the mode of work and rest of a terrorist which depended mainly on the level of secrecy of his group, its style of work and the role of the very terrorist inside the group that can be described as his terrorist “profession”. Active terrorists usually had very little time to spend as leisure: they were over-occupied with their terrorist work. The quality of their leisure was severely limited by the terms of secrecy. But this state of affairs was believed to be normal and even desirable because leisure as well as the private life and personal happiness were regarded as something miserable and unimportant in comparison with the revolutionary struggle. Within those limits socialist-revolutionary terrorists preferred the same leisure activities as those popular amongst other intelligent citizens (especially amongst those involved into the revolutionary movement): intercommunication with friends and comrades, reading, creative and sometimes scientific work, writing memoirs, keeping a diary. Nevertheless all these activities violated secrecy, so they were extremely limited by its demands. Some specific forms of leisure typical for the revolutionaries not involved into terrorist work (such as taking part in party meetings, mass demonstrations, workers’ study groups, etc.) were practically forbidden for terrorists because of the terms of secrecy. Terrorists outside active work (those in emigration or imprisoned) were less restrained in their choice of leisure activities and had much more spare time; so the analysis of their life shows what leisure activities would have been preferable for terrorists if they hadn’t been limited by secrecy and lack of time. All these patterns are developed on the matter of terrorists’ everyday reading.

Key words: Russian revolutionary movement, revolutionary terrorism, Socialist Revolutionary Party, everyday life history, leisure history.

References

- Andreeva S.V.* Fenomen dosuga: istoriya i sovremennost' // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 344.
- Bitsenko A.* V mal'tsevskoy zhenskoy katorzhnoy tyur'me 1907 – 1910 gg. (k kharakteristike nastroeniy) // Katorga i ssylka. 1923. № 7. URL: <http://www.memo.ru/nerczinsk/bicenko2.htm> (data obrascheniya: 08.12.2013)
- GARF. F. 1699 (Sudebno-Sledstvennaya Komissiya Partii Sotsialistov-Revolyutsionerov po delu Azefa).* Op. 1. D. 107. Pis'mo Azefa k V.S. Gots v Allesio. Okoncheno 14.01.1907. 2 L.
- GARF. F. 5831 (B.V. Savinkov).* Op. 1. D. 3. Zapisnaya knizhka Savinkova B.V. 22 L.
- GARF. F. 5831.* Op. 1. D. 336. Kopiya obvinitel'nogo akta po delu «O zagovore protiv tsarya» ob otstavnom leytenante Borise Nikitenke, Vladimire Naumove, Kite Purkine, Marii Prokof'evoy i drugikh. 17 l.
- GARF. F. 5831.* Op. 1. D. 340. Zayavlenie Berdo Yana (konspirativnoe imya «Nikolay Vasil'evich» ili «Rotmistr») v Tsentral'nyy Komitet partii eserov i pis'ma chlenam partii s dokazatel'stvom neobosnovannosti isklyucheniya ego iz organizatsii. 22L.
- Geyfman A.* Revolyutsionnyy terror v Rossii, 1894–1917. M., 1997.
- Gorodnitskiy R.A.* Boevaya organizatsiya partii sotsialistov-revol'yutsionerov v 1901–1911 gg. M., 1998.
- Gorodnitskiy R.A.* Tri stilya rukovodstva boevoy organizatsiey Partii sotsialistov-revol'yutsionerov: Gershuni, Azef, Savinkov // Individual'nyy politicheskiy terror v Rossii XIX – nachalo XX v.. M., 1996.
- Gul' R.* Azef. New York, 1974.
- Hodnev A.S.* «Novaya» istoriya dosuga kak issledovatel'skoe pole // Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. 2011. №11, t. I.
- Ivanovskaya P.S.* V boevoy organizatsii: Vospominaniya. M., 1928. URL: <http://www.memo.ru/> (data obrascheniya: 08.12.2013)
- Izmaylovich A.A.* Iz proshlogo // Katorga i ssylka. 1923. № 7. 1924 №8 (1). URL: <http://www.memo.ru/nerczinsk/> (data obrascheniya: 08.12.2013)
- Kolosova-Popova V.* Dinamitnye masterskie 1906 – 1907 gg. i provokator Azef // Katorga i ssylka. 1927. № 4,5,6. URL: <http://coollib.com/b/161106> (data obrascheniya: 08.12.2013)
- Kvasov O.N.* Strukturnye sub'ekty rossiyskogo revolyutsionnogo terrorizma v nachale XX veka // Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta. 2009. №2.
- Morozov K.N.* «Net very v revol'very»: eserovskaya terroristicheskaya tekhnika i plany «aviatsionnogo» i «podvodnogo» pokusheniya BO PSR na Nikolaya II v 1907–1911 gg. // Rossiyskie sotsialisty i anarkhisty posle oktyabrya 1917 goda. URL: <http://socialist.memo.ru/firstpub/y05/morozov2.htm> (data obrascheniya: 08.12.2013)
- Morozov K.N.* Partiya sotsialistov-revol'yutsionerov v 1907–1914 gg. M., 1998.
- Nikolaevskiy B.* Istoriya odnogo predatelya. M., 1991.
- Praysman L.G.* Terroristy i revolyutsionery, okhranniki i provokatory. M., 2001.
- Savinkov B.V.* Zapiski terrorista. M., 2002.
- Spiridonova M.A.* Iz zhizni na Nerchinskoy katorge // Katorga i ssylka. 1924. № 1 (8). URL: <http://socialist.memo.ru/books/memoires.htm> (data obrascheniya: 08.12.2013)